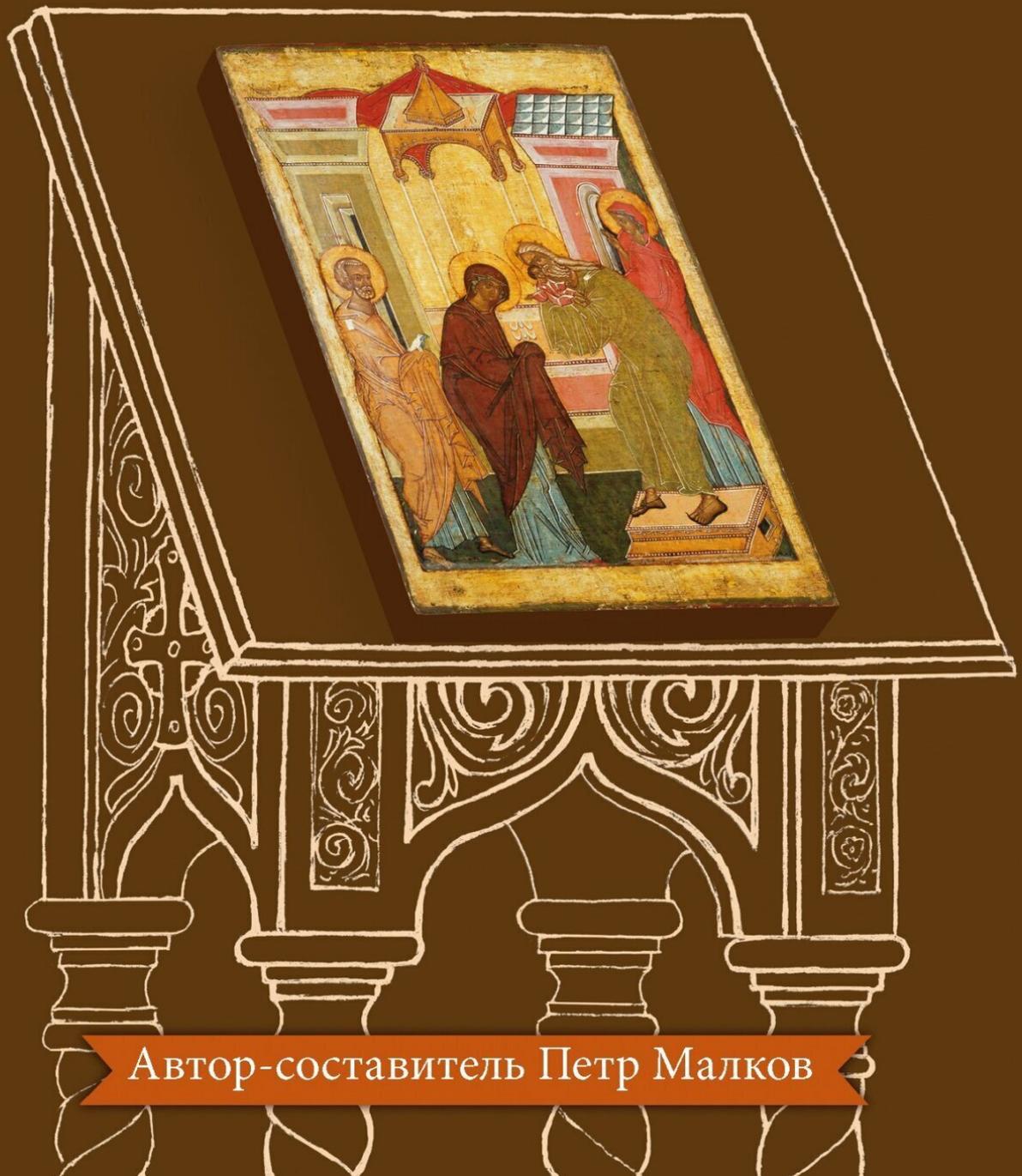

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКАХ

Сретение Господне

Святые отцы о церковных праздниках

**Сретение Господне. Антология
святоотеческих проповедей**

«Никея»

2021

УДК 248.1
ББК 86.372

Сретение Господне. Антология святоотеческих проповедей /
«Никея», 2021 — (Святые отцы о церковных праздниках)

ISBN 978-5-907307-64-3

Антология святоотеческих творений на праздник Сретения Господня включает произведения разных традиций и эпох, византийских и русских авторов — от святителя Амфилохия Иконийского до святителя Луки Крымского. Издание предваряет вводная статья П.Ю. Малкова, призванная в ясной и доступной форме познакомить читателя с важнейшими богословскими и нравственными особенностями святоотеческого учения о духовном и нравственном значении церковного праздника. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 248.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-907307-64-3

, 2021
© Никея, 2021

Содержание

Петр Малков	6
Сретение Господне: радость встречи с Богом	6
Сретение Господне: установления ветхозаветного Закона и новозаветный евангельский рассказ о событии	8
Церковный праздник Сретения Господня	11
Святоотеческие проповеди на Сретение Господне	16
Святоотеческие проповеди на Сретение: Богомладенец Христос	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Петр Юрьевич Малков
Сретение Господне. Антология
святоотеческих проповедей

© ООО ТД «Никея», 2021

Петр Малков

«...Выйдем в сретение Христу Богу нашему»: святоотеческие проповеди на Сретение Господне

Сретение Господне: радость встречи с Богом

Каждая новая встреча с близким нам человеком после долгой разлуки – большая радость. Вновь оказаться рядом с тем, кого любишь, к кому сердечно привязан, – великое счастье и для любящих супругов, и для родителей и их детей, и для друзей, и для тех единомышленников в вере, которые, по слову святителя Григория Богослова, «влюблены в одно и то же» («Слово 43-е»). И, наоборот, долгая разлука с дорогими людьми – причина для душевной печали, жизненное испытание и сердечная боль. Но тем радостнее тот миг, когда мы снова встречаемся лицом к лицу, заключаем друг друга в объятия и затем ведем разговор о самом главном и важном.

Сретение Господне – это праздник встречи. Известно, что слово «сретение» в переводе с церковнославянского и означает «встреча». Внимательно вчитываясь в евангельский рассказ о событии Сретения, мы понимаем: в тот день, когда Богородица и Иосиф принесли в Иерусалимский храм новорожденного Спасителя, и в ту минуту, когда Богомладенца Христа принял на руки праведный Симеон, совершилась самая важная и радостная из всех когда-либо происходивших на земле встреч, осуществившаяся после самой долгой и горькой из всех разлук; новая встреча человека с Богом – после нашего древнего расставания с Ним, случившегося по вине наших прародителей Адама и Евы.

Некогда, на заре человеческой истории произошло страшное и гибельное событие – разлука человека с Богом. Первые люди, Адам и Ева, согрешили, самовольно вкусив плод от Древа познания добра и зла и тем нарушив единственный запрет, наложенный на них Творцом (см. Быт. 2: 17; 3: 6). Так, преступив Господню заповедь и отпав от Божественной Правды, Адам и Ева воздвигли между собой и Создателем крепкую стену отчуждения. И с той древнейшей поры – долго, но безуспешно – люди искали новой встречи, нового единства с Богом, блуждая впотьмах, спотыкаясь, сбиваясь с пути, вступая на смертельно опасные земли темных языческих культов.

Но и Сам Бог продолжал искать отдалившегося от Него и предавшего Его любовь человека. В самый день грехопадения Господь отыскивал среди святых садов древнего Рая Свое падшее и потерявшееся создание – Адама, взывая к нему: *Где ты?* (Быт. 3: 9). Конечно же, такой призыв Господа к Адаму не означал, что Бог не знал, где в тот момент физически находился Адам, или же, что Он не мог найти его. Просто подлинное пребывание рядом двух любящих – это не только их взаимная близость друг к другу в материальном пространстве, но и их духовная близость в любви. Именно такой живой и действенной внутренней устремленности к духовному единению с Богом, чувства радостной, доверчивой любви к Нему и не мог тогда найти в сердце Адама Господь. Падший Адам более не предстал пред Богом в своей прежней открытости и в жертвенности совершенного послушания: напротив, он пытался скрыться в тени райских деревьев; ведь с нарушением воли Божией, с грехопадением на смену прежней любви к Богу в душу Адама вошло ощущение страха и отчужденности от Него.

Итак, вся история людского рода со дня грехопадения и до пришествия в мир Спасителя стала одним долгим и томительным ожиданием Сретения Господа – радости новой встречи с Воплотившимся Живым Богом: нашим Освободителем от власти сатаны, греха и смерти, Совершителем спасения, Источником премудрости, Возвестителем истины, Началом благодатного человеческого обожения. И вот сегодня, в день Сретения Господня, эта встреча нако-

нец состоялась. Настал момент, когда ветхий и немощный старец Симеон принял на свои руки Богомладенца Христа и возвестил миру о вступлении во вселенную ее Творца – Бога Слова. И тогда людской род – в лице Симеона – наконец-то ясно узнал и радостно исповедал, что после многих тысячелетий самовольного отлучения от Господа человек вновь встретил своего Создателя. Ведь Симеон держал теперь на руках Самого Бога, добровольно – ради нашего спасения и Искупления – умалившегося до состояния беззащитного и слабого Ребенка.

В день Сретения совершается та главная встреча, что безмерно радостнее и значимее любых других земных встреч: наша встреча с Богом. Ведь мы видим ныне нашими людскими глазами не просто дорогого и близкого нам человека, но предстоим лицом к лицу со сделавшимся истинным Человеком Творцом и Искупителем мира – с самым Дорогим и с бесконечно Близким для каждого из живущих; поэтому мы и можем по праву повторить вслед за преподобным Иоанном Дамаскином («Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы»): «Мои глаза видели человеческий образ Бога, и спасена душа моя».

Сегодня мы встречаемся, воссоединяемся не с нашими плотскими родными или земными друзьями, но с Небесным Богом, сделавшимся, однако, – ради нашего спасения – Плотским и Земным: некогда мы уподобились – силой греха прародителей – ушедшему *в дальнюю сторону* блудному сыну (ср. Лк. 15: 13), теперь же Господь вновь заключает нас в Свои крепкие и любящие Отческие объятия: *увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его* (Лк. 15: 20).

Ныне мы ведем беседу не с нашими земными близкими, но со сделавшимся в Своем Вочеловечении нашим истинным Братом и совершенным Другом Сыном Божиим, Который и Сам об этом свидетельствует: *Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат* (Мф. 12: 50) и *Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам* (Ин. 15: 14). Такая наша с Ним беседа – христианская молитва. Ведь всякая настоящая, глубокая и искренняя молитва – это отнюдь не наш односторонний монолог, но именно взаимный диалог верующего с Господом; потому-то святитель Иоанн (Максимович) в сочинении «О молитве» свидетельствует: «Молитва есть разговор человека с Богом... высшая степень молитвы, когда наш ум всегда направлен к Небесам и когда наш дух находится в непрерывном разговоре с Богом».

Мы знаем: ныне, в день церковного праздника Сретения, для каждого подлинного участника этого торжества совершается личное Сретение Христа – происходит своя собственная Встреча встреч со ставшим Человеком Богом. И потому сегодня всякий искренне верующий вправе – вслед за святым Симеоном – произнести и от своего имени: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое* (Лк. 2: 29–30). И тогда, если эти слова будут сказаны христианином с твердой надеждой на Господа и с искренней любовью к Нему, он обязательно услышит в ответ: *Видевший Меня видел Отца... Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14: 9, 23).

Сретение Господне: установления ветхозаветного Закона и новозаветный евангельский рассказ о событии

В праздник Сретения Господня мы вспоминаем день Священной истории, когда Богомладенец Иисус был принесен в Иерусалимский храм – во исполнение обычаев ветхозаветного Закона Моисея. В древности роженица считалась нечистой. Поэтому, в согласии с Законом, женщины на сороковой или восьмидесятый день после родов (в зависимости от того, кто у них родился – мальчик или девочка) должны были прийти в храм для принесения ритуальной очистительной жертвы. Вот что говорит об этом Моисеев Закон: *И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если женщина зачнет и родит [младенца] мужского пола, то она нечиста будет семь дней; как во дни страдания ее очищением, она будет нечиста...*

и тридцать три дня должна она сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее. Если же она родит [младенца] женского пола, то во время очищения своего она будет нечиста две недели, и шестьдесят шесть дней должна сидеть, очищаясь от кровей своих. По окончании дней очищения своего за сына или за дочь она должна принести однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех, ко входу скинии собрания к священнику; он принесет это пред Господа и очистит ее, и она будет чиста от течения кровей ее. Вот закон о родившей [младенца] мужского или женского пола. Если же она не в состоянии принести агнца, то пусть возьмет двух горлиц или двух молодых голубей, одного во всесожжение, а другого в жертву за грех, и очистит ее священник, и она будет чиста (Лев. 12: 1–2, 4–8).

Как раз для принесения такой очистительной жертвы и пришла в Иерусалимский храм Богоматерь – после Рождения Младенца Христа. Конечно же, о какой-либо греховной нечистоте Марии, девственно родившей Сына и Господа, речи идти не может. Однако Богоматерь все равно смиренно подчинилась этому установлению Закона. Равно как добровольно подчинилась власти и установлениям Закона и Ее Божественный Сын – несмотря на то, что Он был свят и абсолютно безгрешен: ведь Христос *пришел не нарушить закон, но исполнить* (ср. Мф. 5: 17). При этом Богоматерью в тот день были принесены в качестве очистительной жертвы не агнец и голубь, а две птицы – жертва, по Закону допустимая лишь для бедняков.

Кроме того, по Закону полагалось приносить выкуп и за рождавшегося первым в семье мальчика – первенца. По изначальному древнему Божественному установлению – со дня заключения Ветхого Завета – все еврейские первенцы принадлежали Богу и потому должны были служить Господу при Его святилище. В ветхозаветных книгах Исход и Числа говорится: *И сказал Господь Моисею, говоря: освяти Мне каждого первенца, разверзающего всякие ложезна между сынами Израилевыми, от человека до скота: Мои они... Отдавай Мне первенца из сынов твоих... Мои все первенцы у сынов Израилевых... Я освятит [то есть – посвятит] их Себе... (Исх. 13: 1–2; 22: 29; Числ. 8: 17).* Затем это установление было изменено Самим Богом: с тех пор служение первенцев перешло к левитам – потомкам колена Левия. Однако родители первенцев по-прежнему должны были приносить младенцев в Иерусалимский храм, чтобы отдать за них выкуп Богу (см. Числ. 3: 44–51). При этом священник совершал над ребенком две молитвы: одну – на тему закона о принесении выкупа, другую – с благодарением за рождение первенца.

В день Сретения в числе таких первенцев находился и Богомладенец Христос, принесенный Богоматерью и Иосифом в Иерусалимский храм на сороковой день по Рождестве. До этого, на восьмой день по Рождестве, над Господом был совершен ветхозаветный обряд обрезания; тогда же Ему нарекли имя Иисус, что в переводе означает «Спаситель» (см. Лк. 2: 21).

Вот что повествует о событии Сретения Господня евангелист Лука: *А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных. Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святы́й был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля. Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем. И благословил их Симеон и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец.* Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь. И она в то время, подойдя, славилу Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме. И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет (Лк. 2: 22–39).*

Мы видим: Младенец Христос был встречен при входе в храм благочестивым и праведным старцем Симеоном (по Преданию Церкви – одним из переводчиков Священного Писания Ветхого Завета на греческий язык: так называемой Септуагинты¹), которому было некогда обещано Духом Божиим, что он не умрет, пока не увидит своими глазами пришедшего на Землю Спасителя мира. Симеон был очень стар и превзошел все мыслимые пределы длительности человеческой жизни; но смерть не приходила к нему, ибо по Божественному обетованию он должен был увидеть родившегося Христа. И вот наступил день, когда в Иерусалимском храме этот древний старец принял на руки Младенца Иисуса, произнес те замечательные по силе слова, что сегодня звучат в христианских церквях за каждым вечерним богослужением: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое...* Теперь, дожив до Рождества Христова, до встречи человеческого рода с Воплотившимся Богом, старец Симеон мог спокойно умереть: ведь Сретение человека с Господом состоялось.

Произносит он и другие, пророческие по содержанию, слова. Обращаясь к Богородице, Симеон говорит о Ее Сыне: *...се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий... да откроются помышления многих сердец*; и, кроме того, добавляет, свидетельствуя о будущей судьбе Самой Марии: *и Тебе Самой оружие пройдет душу*. Старец говорит здесь о том, что родившийся Христос принес в мир разделение. Отныне уже нельзя будет пребывать в спокойном, «комфортном» безразличии к вопросам веры, равнодушно отказываясь от следования за Истиной: с этого дня человечество подлинно разделилось на два лагеря по принципу – «за Христа и в Боге» или «против Христа и вне Бога». Слова же об *оружии*, то есть о мече, которым будет пронзено сердце Богородицы, – пророчество о тех страданиях, что предстоит Ей испытать в день, когда Она станет свидетельницей Мучений и Смерти на Кресте Своего Сына.

Здесь же в храме находилась и женщина, достигшая глубокой старости и обладавшая пророческим даром, – Анна, которая вместе с праведным Симеоном стала славить Господа.

¹ Септуагинта – осуществленный в III веке до Рождества Христова в Александрии перевод Ветхого Завета с еврейского на греческий язык.

После исполнения всех предписанных Моисеевым Законом обрядов, Святое Семейство покинуло Иерусалим. В Евангелии от Луки сказано, что они *возвратились в Галилею, в город свой Назарет*. Однако древняя святоотеческая традиция утверждает, что Святое Семейство отправилось в Галилею не сразу. Сначала Богоматерь, Иосиф и Младенец вернулись в Вифлеем, где их посетили ведомые чудесной звездой волхвы, принесшие Христу пророческие дары: золото, ладан и смирну (см. Мф. 2: 9–11). Затем последовало бегство в Египет (см. Мф. 2: 13–14). Святое Семейство вернулось *в Галилею, в город свой Назарет* (Лк. 2: 39) лишь после кончины Ирода (см. Мф. 2: 19–23). Мы видим: святоотеческая традиция предлагает здесь достаточно неожиданную хронологию евангельских событий. Ведь мы привыкли видеть на иконах Рождества Христова и предстоящих яслям Богомладенца пастухов, и поклоняющихся Ему волхвов. Однако церковное Предание утверждает: эти события произошли в разное время; в отличие от поклонения пастухов, совершившегося непосредственно в ночь Рождества, поклонение волхвов совершилось уже после события Сретения, то есть после сорокового дня по Рождении Спасителя.

Церковный праздник Сретения Господня

Праздник Сретения Господня относится к числу церковных двенадцатых праздников. В согласии с хронологией евангельских событий, он отмечается на сороковой день по Рождестве Христовом – 2 февраля по старому стилю / 15 февраля по новому стилю.

Церковное торжество Сретения по своему богословскому содержанию – Господский двенадцатый праздник. Это подтверждают и многие особенности богослужебного устава. Например, произнесение за литургией Сретения – во время Малого входа (иначе – Входа с Евангелием) – специального «входного стиха» и следующее за ним торжественное пение тропаря и кондака праздника; также наличие своего особого праздничного отпуста в конце службы, начинающегося словами: «Иже во объятиях праведного Симеона...» Однако со временем устав Сретения начал трансформироваться в сторону Богородичного типа празднеств. Это связано с тем особым местом, что занимала в евангельском событии Сретения Личность Пресвятой Богородицы. Тем самым в богослужении Сретения постепенно появился ряд уставных особенностей, обычно присущих именно Богородичным праздникам. Так, например, в случае совпадения Сретения с воскресным днем воскресные песнопения всегда оказываются «главнее», то есть поются впереди сретенских, – подобное может происходить (по общим правилам богослужебного устава) лишь в Богородичные праздники: Господский же двенадцатый праздник всегда «пересилил» бы песнопения обычного воскресного дня; кроме того, у праздника Сретения отсутствуют обычные для Господских двенадцатых торжеств праздничные антифоны – особые песнопения Господских празднеств, исполняемые в начале литургии.

Тем самым проблема четкого определения статуса этого праздника влечет за собой некоторые трудности. Безусловно, Сретение – двенадцатый праздник. При этом по преимуществу это праздник Господский, хотя он и имеет целый ряд черт Богородичного торжества и потому даже именуется некоторыми православными литургистами Господско-Богородичным.

Празднование новозаветного события Сретения впервые появилось в Иерусалиме в последней четверти IV века, до 384 года; это торжество отмечалось 14 февраля – на сороковой день после праздника Богоявления (отмечался 6 января), в котором тогда соединилось воспоминание сразу о нескольких событиях евангельской истории: Рождестве Христовом, поклонении волхвов и Крещении Господа на Иордане. При этом самогó привычного для нас названия праздника – «Сретение» – в ту эпоху еще, вероятно, не существовало. О том, как отмечалось в эти годы в Иерусалиме Сретение, пишет паломница Эгерия, диакониса из Испании, посетившая город в начале 380-х годов: «Сороковой день от Богоявления празднуется здесь с большой честью. В этот день служба бывает в Воскресении [в Храме Гроба Господня], и все шествуют, и всё совершается по порядку с величайшим торжеством, как бы в Пасху. Проповедуют все пресвитеры, и потом епископ, толкуя всегда о том месте Евангелия, где в сороковой день Иосиф и Мария принесли Господа в храм, и узрели Его Симеон и Анна пророчица, дочь Фануила, и о словах их, которые они сказали, узрев Господа, и о приношении, которое принесли родители. И после этого, отправив все по обычному порядку, совершают литургию, и затем бывает отпуст».

В Византии праздник Сретения получил распространение при императоре Юстине I (518–527), который, по свидетельству «Хроник» историка Георгия Кедрина (рубеж XI–XII веков), «учредил торжество праздника Сретения, до того времени не праздновавшегося». Вероятно, в те годы в Константинополе, так же как и в Иерусалиме, Сретение отмечалось 14 февраля – на сороковой день по Богоявлению. Повсеместное же – по всей империи – празднование Сретения было установлено святым императором Юстинианом (527–548): скорее всего, это произошло в 542 году. Как пишет церковный историк Никифор Каллист Ксанфопул (умер около 1335 года), император Юстиниан «впервые установил торжественное празднование по всей империи Сретения нашего Спасителя». Именно при святом Юстиниане день празднова-

ния Сретения был перенесен на привычную нам сегодня дату – 2 февраля по старому стилю (15 февраля по новому стилю). Торжество традиционно сопровождалось шествиями с восковыми свечами и светильниками.

Некоторые исторические повествования связывают появление церковного праздника Сретения в Византии с совершившимся в начале 40-х годов VI столетия чудом: во время свирепствовавших там смертоносной моровой язвы и целого ряда страшных и разрушительных землетрясений некоторому благочестивому человеку было открыто Богом, что бедствия окончатся, если будет установлен праздник Сретения – по исполнению этого Божественного повеления бедствия в государстве тотчас же прекратились. Однако следует иметь в виду, что это предание имеет достаточно позднее по времени и по преимуществу западное происхождение.

В греческой традиции праздник обычно именовался «Сретение Господне» («Встреча Господа») или же «Праздник очищения» (здесь имелась в виду очистительная жертва, принесенная Богородицей). Иногда он также назывался «Внесение Господа», «Праздник Симеона».

Что касается христианского Запада, то здесь праздник Сретения, учрежденный в конце V столетия, отмечался с меньшей торжественностью, чем на Востоке. Впрочем, поначалу он справлялся достаточно пышно и здесь. На Западе праздник Сретения считался по преимуществу Богородичным. Торжество Сретения в латинской традиции чаще всего называлось «Очищением Блаженной Девы Марии», иногда же – «Представлением Господа», «Встречей Спасителя Симеоном и Анной». Вероятно, история установления праздника и характер его совершения в Западной Церкви были тесно связаны с миссионерской деятельностью христиан среди римских язычников. Язычники Рима обычно приносили в феврале очистительные жертвы богу Плутону, воздавая почести и душам умерших. Христиане же, как бы в ответ, начали совершать – именно в то же самое время, 2 февраля, Праздник очищения Марии, сопровождавшийся шествиями по городу с горящими факелами и свечами. Тем самым новый христианский праздник постепенно вытеснил в сознании римлян древнее языческое торжество.

Со временем праздник Очищения Марии был отнесен на Западе к разряду торжеств так называемого «второго класса». Однако ныне его статус в Католической церкви несколько повысился; сегодня он также именуется «Днем свечей».

Богослужебные тексты праздника Сретения составлены знаменитыми древнецерковными песнотворцами. Так, часть стихир на стиховне и канон праздника написаны преподобным Косьмой Маюмским (вторая половина VII века – около 752 года); в чин службы также включены стихиры, принадлежащие святителю Андрею Критскому (около 660–740 год) и преподобному Иоанну Дамаскину (вторая половина VII века – около 750 года) – по одной стихире на литии. Часть праздничных стихир на «Господи воззвах» и стихир на литии приписываются авторству святителя Германа, патриарха Константинопольского (между 630–650 – до 754 года).

В Древней Руси праздник Сретения поначалу отмечался очень торжественно. Однако к XVII столетию значение Сретения – в сравнении с более ранней традицией – на Руси заметно уменьшилось.

Тропарь праздника: «Радуйся, Благодатная Богородице Дево, из Тебе бо возсия Солнце Правды, Христос Бог наш, Просвещаяй сушья во тьме; веселися и ты, старче праведный, приемый во объятия Свободителя душ наших, Дарующаго нам воскресение». Перевод тропаря на русский язык: «Радуйся, Благодатная Дева Богородица, ведь из Тебя воссияло Солнце Правды – Христос Бог наш, Просвещающий находящихся во тьме [неведения]. Веселись же и ты, праведный старец, принявший в свои объятия Освободителя наших душ, Дарующего нам воскресение». Тропарь развивает связанную с внутренним духовным содержанием события Сретения богословскую идею – о просвещении светом Истины всего человечества, прежде пребывавшего во тьме незнания Бога. Она выражена в тексте Священного Писания – у пророка Исаии

(см. Ис. 42: 7), а затем повторена Христом: *народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет* (Мф. 4: 16).

Кондак праздника: «Утробу Девичу освятивый Рождеством Твоим и руце Симеоне благословивый, яко-же подобаше, предварив, и ныне спасл еси нас, Христе Боже, но умири во бранех жительство и укрепи люди, ихже возлюбил еси, Едине Человеколюбче». Русский перевод кондака: «Освятив Твоим Рождением утробу Девы и благословив объятия Симеона, как надлежало, предвозвестив [о том заранее] – ныне Ты спас нас, Христе Боже; сделай же мирной нашу жизнь – среди войн – и укрепи людей, которых [Ты] возлюбил, Единый Человеколюбец».

В стихирах и каноне праздника подчеркивается мысль, что Тот же Самый Бог, Который прежде являлся в таинственном и неприступном мраке пророку Моисею на горе Синай, теперь сделался видим для человека, ибо стал Младенцем, почивающим на руках праведного Симеона: «На горе Синайстей древле виде Моисей задняя Божия, и тонкий Божественный глас сподобися во мраце же и вихре слышати. Ныне же Симеон Воплощенного Бога непреложне нас ради на руки прият...» (Седален канона на утрени). Русский перевод седальна: «В древности на горе Синай Моисей увидел Бога сзади и удостоился неясно слышать Божественный глас во мраке и буре; ныне же Симеон принял во объятия ради нас неизменно Воплотившегося Бога...» Здесь говорится о том, что на горе Синай Моисей смог увидеть Бога лишь как бы «со спины», *сзади* (см. Исх. 33: 23) – символический образ того, что в Ветхом Завете человек еще не был способен видеть Бога лицом к Лицу, ибо Бог еще не стал Человеком, – он мог слышать только «тонкий», то есть едва различимый и вместе с тем всепроницающий «Божественный глас» лишь под покровом тайны: во мраке и в буре. Ныне же, в день Сретения, Симеон принимает Этого – прежде сокрытого, таинственного и страшного, а теперь Воплотившегося – Бога на свои руки, как Младенца. Говорится здесь и о том, что Тот, Кто до этого был носим лишь на херувимских колесницах, ныне восседает, как на престоле, на руках старца Симеона: «Иже на херувимех Носимый и Певаемый от серафим, днесь в Божественное святилище по закону приносим, на старческих, яко на престоле, сedit руках...» («Слава, и ныне», стихиры на стиховне, утрень).

Особенно замечательны и трогательны по своему содержанию припевы канона Сретения на утрени – целостное и поэтичное гимнографическое произведение:

«Богородице Дево, Упование христианом, покрый,
соблуди и спаси на Тя уповающих.
Богородице Дево, миру благая Помощнице, покрый
и соблуди от всякия нужды и печали.
Богоносе Симеоне, прииди, подыми Христа, Егоже
роди Дева Чистая Мария.
Объемлет руками старец Симеон Содетеля Закона
и Владыку всяческих.
„Не старец Мене держит, но Аз держу его: той бо от
Мене отпущения просит“.
Клеще Таинственная, како Угль носиши? Како
питаеши Питающаго вся?
О дщи Фануилева! Прииди, стани с нами и благодари
Христа Спаса, Сына Божия.
Анна целомудренная провещает страшная,
исповедаючи Христа, Творца небу и земли.
Непостижимо есть содеянное о Тебе ангелом
и человеком, Мати Дево Чистая.
Чистая Голубица, нескверная Агница, Агнца
и Пастыря приносит в церковь.

О Христе, всех Царю! Победы на враги верным людем
Твоим даруй.

О Христе, всех Царю! Подаждь ми слезы теплы, да
плачу мою душу, юже зле погубих.

Трисиятельное и Триипостасное Божество
благочестно да похвалим.

О Девице Марие! Просвети мою душу, помраченную
люте житейскими сладьми.

Богородице Дево, упование христианом, покрый,
соблуди и спаси на Тя уповающих».

Русский перевод сретенских припевов:

«Богородица Дева, Надежда христиан, защищай,
ограждай и храни на Тебя уповающих.

Богородица Дева, Милосердная мира Заступница,
защищай и сохраняй от всякой беды и печали.

Богоносец Симеон, приди и возьми на руки Христа,
Которого родила Дева Чистая Мария.

Принимает в объятия Старец Симеон Создателя
Закона и Владыку всего мира.

„Не старец Меня держит, но Я держу его: ибо он
у Меня отпущения просит“.

Таинственные Клещи, как Ты Уголь носишь, как
питаешь Питающего всех?

О дочь Фануилова, приди, стань с нами и благодари
Христа Спасителя, Сына Божия.

Анна целомудренная возвещает чудное, исповедуя
Христа Творцом неба и земли.

Непостижимо для ангелов и для людей
совершившееся над Тобою, Мать, Дева Чистая.
Чистая Голубица, чуждая скверны Агница, Агница
и Пастыря во Храм приносит.

О Христе – Царь всего! Победы над врагами верным
служителям Твоим даруй.

О Христе – Царь всего! Даруй мне горячие слезы, да
оплачу душу мою, которую я бедственно погубил.

Тройственным светом сияющее и Единое в Трех
Лицах Божество благоговейно да восхвалим.

О Дева Мария! Просвети мою душу, крайне
омраченную житейскими наслаждениями.

Богородица Дева, Надежда христиан, защищай,
ограждай и храни на Тебя уповающих».

Во время службы Сретения читаются некоторые тексты Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

Так, на великой вечерне прочитываются три паремии, то есть ветхозаветные тексты, являющие нам древние библейские прообразы воспоминаемого события Сретения. Первая паремия говорит о ветхозаветном обычае посвящать Богу первенцев (Исх. 12: 51; 13: 1–3, 10–12, 14–16; 22: 29; Лев. 12: 1–4, 6–8; Числ. 8: 17). Вторая паремия повествует о видении, открывшемся в храме пророку Исаии, в котором ему явился сидящий на престоле и окружен-

ный ангелами Господь. Здесь-то Исаия и был призван к своему пророческому служению (Ис. 6: 1–12). Третья паремия, также представляющая собой отрывок из книги Исаии, содержит пророчество о бегстве Святого Семейства в Египет. Эта паремия здесь тем более уместна, что бегство в Египет сюжетно довольно тесно связано со Сретением (Ис. 19: 1–5, 12, 16, 19–21).

Что касается чтения из Апостола, то на праздничной сретенской литургии прочитывается фрагмент из Послания апостола Павла к Евреям (7: 7–17), где появляется загадочный образ ветхозаветного царя и священника по имени Мелхиседек: толкователи Священного Писания рассматривают его как прообраз Христа. Здесь же говорится о превосходстве искупительного и жертвенного (именуемого здесь первосвященническим) служения Спасителя перед ветхозаветными жертвами, а также об отмене – с пришествием Христа – формальных установлений и ограничений Закона Моисеева.

Отрывки из Евангелия на утрене и на литургии праздника почти совпадают по содержанию: оба они рассказывают о Сретении. Однако евангельское чтение на утрене (Лк. 2: 25–32) короче, чем на литургии (Лк. 2: 22–40): полное евангельское повествование о событии Сретения мы слышим в храме в самый день праздника – за Евхаристией.

Святоотеческие проповеди на Сретение Господне

Празднику Сретения Господня посвящен целый ряд прекрасных, преисполненных богословской глубиной, духовно возвышенных и поэтичных святоотеческих проповедей. Число дошедших до нас святоотеческих гомилий на Сретение достаточно велико. Однако это именно византийские греческие проповеди христианского Востока.

Что касается Запада, то, как уже говорилось, этот праздник почитался здесь в меньшей степени, чем в Византии, и потому до нас практически не дошли образцы святоотеческих латинских гомилий на Сретение. Лишь отдельные яркие рассуждения, посвященные этому евангельскому событию, обнаруживаются, например, в творениях таких западных святых отцов, как священномученик Киприан Карфагенский (около 200–210 – 258; «Книга о смертности»), святитель Амвросий Медиоланский (около 339–397; «Изъяснение Евангелия от Луки»), блаженный Августин (354–430; «Слово 163-е. О борьбе духа и плоти»).

На православном же Востоке известнейшие древнецерковные проповеди, посвященные истолкованию евангельского события Сретения, а также прославлению этого церковного праздника, принадлежат таким святым отцам, как, например, святитель Григорий Нисский (около 331–335 – около 394 года; проповедь, посвященная духовному истолкованию события Сретения, сказана в 70–80-е годы IV столетия), святитель Амфилохий Иконийский (около 340 или 345 – после 394 года; гомилия произнесена в 70–80-е годы IV столетия), святитель Кирилл Александрийский (около 375–380 – 444 год; две гомилии, посвященные Сретению, из цикла «Толкования на Евангелие от Луки» произнесены не ранее конца 430 года), преподобный Исихий Иерусалимский (вторая половина IV века – около 451 года; две гомилии сказаны в первой половине V столетия), святитель Модест Иерусалимский (умер около 630 года; гомилия сохранилась фрагментарно, произнесена в 10–20-е годы VII столетия), святитель Софроний, патриарх Иерусалимский (около 550–638 год; гомилия произнесена между 633 и 638 годом), святитель Климент Охридский (30–40-е годы IX века – 916 год; проповедь сказана на рубеже IX–X столетий), святитель Григорий Палама (около 1296–1357 год; гомилия произнесена около 1351–1357 годов). Многие из перечисленных здесь святоотеческих гомилий публикуются в этой книге.

Помимо гомилий, важные размышления о богословском, спасительном и нравственном значении события Сретения содержатся и в иных творениях византийских святых отцов: например, в так называемых «Амфилохиях» святителя Фотия, патриарха Константинопольского (около 810–820 – около 890–895 года).

Кроме того, сохранился и целый ряд древнецерковных гомилий на Сретение, приписываемых авторству тех или иных святых отцов, но на самом деле им не принадлежащих: например, священномученику Мефодию Олимпийскому (скончался около 311–312 года), святителю Афанасию Великому (около 295–373 год), святителю Кириллу Иерусалимскому (около 315–387 год; некоторые ученые все же допускают принадлежность этой гомилии авторству святителя Кирилла), святителю Иоанну Златоусту (середина IV столетия – 407 год), святому Тимофею, пресвитеру Иерусалимскому (на самом деле ее автор – Леонтий, пресвитер Константинопольский, произнесена между 381 и 431 годами) и другим византийским писателям. Все перечисленные гомилии являются важной и неотъемлемой частью церковного Священного Предания. Некоторые из этих проповедей также печатаются в этой книге.

Большое число проповедей на праздник Сретения Господня принадлежит святым отцам Нового и Новейшего времени. В книге публикуются проповеди на Сретение таких русских духовных писателей, как святитель Димитрий Ростовский (1651–1709; произнесена в первые годы XVIII столетия), святитель Феофан Затворник (две проповеди, сказанные на праздник Сретения в 1862 и 1864 годах), святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908), свя-

ценномученик Григорий Шлиссельбургский (1878–1937; проповедь произнесена в 1927 году), святитель Лука Крымский (1877–1961; публикуемое слово сказано в 1953 году).

Святоотеческие проповеди на Сретение весьма разнообразны по содержанию. Каждый из святых авторов не просто излагает общий церковный взгляд на событие Сретения, говорит не только о богословском и нравственном смысле праздника, но также ясно и открыто свидетельствует о своем собственном, глубоко личном опыте Сретения Бога. Ведь всякий духовный опыт христианской святости, стяжаемой благодаря жизни в Церкви и исполнению Христовых заповедей, всегда неповторим и уникален; для каждого сподобившегося в земной жизни встречи с Богом, Сретение Господа – особый и неповторимый, живой и личный путь ко спасению, к духовному единству с Создателем, к союзу творческой и взаимной любви с Тем Господом, Который открывается именно ему и именно так. Как раз эта истина и оказалась ярко отражена в святоотеческих проповедях на Сретение: ведь их авторы ясно свидетельствуют не только о том евангельском Сретении, но также и об их личном Сретении Бога.

Такое Сретение Господа и соединение с Ним должно осуществляться в спасаемых раз и навсегда – не оставляя возможности для нового расставания с Богом. Ведь благодаря Сретению христианином на земле Небесного Царя в его жизни уже не остается места для одиночества. Отныне он неотступно пребывает в полноте единства и общения с Тем, Кто выступил ради него из Своей таинственной сокрытости и осиял его нетварным благодатным светом. Этой своей личной радостью Богопричастности, преисполненной сиянием Небесного света, как плодами совершившегося в них Сретения Бога, и спешат поделиться в проповедях на праздник Сретения святые отцы, которые как бы обращаются к верным: «Мы встретили Его на тернистых путях христианского подвига, на сокровенных стезях внутреннего молитвенного делания, в святынях церковных таинств, в трудническом исполнении евангельских заповедей, в непрестанном поиске и в неугасающей жажде благодатного соединения с Господом. Он пришел и открылся нам, некогда Принятый на руки праведного Симеона, а ныне Сам Подъявший нас на Богочеловеческие руки и Носящий нас Своим спасительным Помыслом. Он *отпустил нас с миром* (ср. Лк. 2: 29) из плена нашей прежней греховной ветхости и так даровал новый мир – Свой мир, как и Сам изрек: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14: 27). И скажем больше: Христос даровал нам тот подлинный, совершенный и благой Мир, Который есть Он Сам, по слову апостола, истинно провозгласившего, что *Он есть Мир наш* (ср. Еф. 2: 14). Ныне наши *очи увидели спасение* (ср. Лк. 2: 30), происшедшее от Того, Кто Сам есть наше Спасение, показанное нам Тем, Кто Сам есть дарующее лицезрение Небесных тайн духовное Око. Он осветил наш земной путь Своим горним светом, ибо Он есть *Свет* (Ин. 8: 12) и *Сияние Отчей Славы* (ср. Евр. 1: 3). Он – наш Владыка и ныне властвует внутри нас, совершая в человеческой сердечной глубине дело духовного исцеления и благодатного обожения. Встретьте же и обретите Христа, подобно нам, и вы! Вкусите Его своими устами от Евхаристической чаши, напитайтесь Им, изменитесь Им, преобразитесь Им, освятитесь Им, живущим и действующим в вас. Примите Господа на руки в новом Сретении; крепко сожмите в объятиях Господа и ни на миг не отпускайте Его, Себя нам даровавшего; но также и сами смиренно возлягте на Его Богочеловеческих руках, предайтесь с сыновней любовью в объятия Христовы и так делайтесь – по дару усыновления – Его духовными младенцами. Пусть наше Сретение Бога станет и вашим Сретением. Пусть наше соединение с Ним совершится и в каждом из вас. Пусть полнота Божественной жизни наполнит всех».

Святоотеческие проповеди на Сретение: Богомладенец Христос

Евангельское событие Сретения Господня, теснейшим образом связанное с событием Рождества Христова, является предельным выражением и зримым откровением человеческому роду истины о Боговоплощении – учения о том, что Сын Божий, совершенный Бог стал – ради нас и нашего спасения – совершенным Человеком. В этом смысле Сретение есть как бы духовная «кода», венец и исполнение Рождества Христова. Мы помним: в день Рождества о событии Вочеловечения Бога Слова узнали лишь немногие – пришедшие поклониться Христу к яслям Богомладенца пастухи. А вот на сороковой день по Рождестве Сын Божий был уже открыто принесен Богоматерью и Иосифом в Иерусалимский храм, принят на руки праведным Симеоном и гласно проповедан им перед лицом верующих как истинный Господь, как Освободитель человеческого рода от духовной тьмы богооставленности и как Дарователь спасаемым небесного света Богопричастности. И Анна пророчица в день Сретения также ясно и громко исповедала перед *всеми ожидавшими избавления в Иерусалиме* (ср. Лк. 2: 38) Богомладенца Иисуса как Христа-Мессию. Именно поэтому преподобный Исихий Иерусалимский в «Слове первом на Сретение Господа нашего Иисуса Христа» провозглашает: «Праздник сей... возглавляет все Таинство Христова Воплощения, он изображает все явление Единородного Сына. В нем Христос был поднят [на руки] как Младенец и был исповедан как Бог; Творец нашего естества был принесен в объятиях, словно сидящий на Престоле...»

Святые отцы – авторы гомилий на Сретение не перестают дивиться чуду Боговоплощения – величайшему из всех когда-либо совершившихся на земле чудес. Как Бог стал Человеком? Как Он, Который вечен, всесилен и бессмертен, подчинился законам времени, воспринял младенческое бессилие и испытал людскую смерть? Преподобный Исихий в «Слове втором на Сретение Господа нашего Иисуса Христа» поражается тому, что в Своем Воплощении Сын Божий «ради нас смирился до того, что стал Младенцем...». В связи с этими недоуменными вопросами автор византийского «Слова на Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», приписываемого святителю Афанасию Великому, также дивясь парадоксу Вочеловечения Бога, даже обращается к новозаветному рассказчику о Сретении – евангелисту Луке со словами: «Ты являешь всем пределам [вселенной] Сына Божия, изволившего родиться от Девы, и выводешь перед нами на середину Его родителей по плоти. Но может ли у Бога быть на земле родитель? Может ли Бог иметь родителя? И [возможно ли, чтобы] Бог был носим родителями [как Младенец]? Что за [удивительное] дело? Что за Таинство? *Родители принесли Младенца* (Лк. 2: 27). Однако каким образом? Как они могли нести Его – Бога – в объятиях? Того, [перед Которым] херувимы трепещут, серафимы отворачиваются, ангелы страшатся, архангелы скрываются и все небесные силы в страхе закрывают лица. А ты говоришь о носивших Его [на руках], с Ним пришедших и принесших [Бога]. Что же это за непостижимое [таинство] – *Родители принесли Младенца...*?» И затем автор гомилии приводит ответ евангелиста: «Верно, но взгляни не только на само чудо, но и на цель совершающегося в отношении Домостроительства [спасения]. Ведь Он – не только Бог, но как сказано, делается Младенцем, и становится видимым на Материнских руках, и облекается в земную природу, вернее же говоря, делается, кроме греха, истинным Человеком. Как и каким образом? – не смею и молвить: это неизреченно и до конца неизъяснимо. И не только для меня, но и для Самой [Его] Родившей».

Итак, в день Сретения людскому роду открылась истина: Бог стал Человеком и теперь Он – с нами и среди нас. Православное учение о Вочеловечении Сына Божия возвышенно излагается в святоотеческих гомилиях на Сретение. Так, святитель Софроний, патриарх Иерусалимский, в «Слове на Сретение Господне» ясно исповедует: «Только Он [Христос]... рожден по природе от Бога и есть Единосущный Сын Бога Отца. Он – Единый Рожденный от Бога, Его

Родителя и Единственный познается Его Сыном; но Он же и воплотился от... Девы, приняв... человеческое происхождение». И пусть мы зрим сегодня, в день Сретения, Бога Слово именно в уничиженном образе – как добровольно Принявшего на Себя младенческое бессилие, как лежащее на Материнских руках Дитя; все равно, Он – Господь мира, наш Всесильный Творец и Спаситель. Поэтому автор византийского «Слова о Симеоне и Анне. В день Сретения Господня», приписываемого священномученику Мефодию Олимпийскому, обращаясь к Богомладенцу Христу, говорит: «Ты... Бог истинный от Бога истинного, Единый Господь прежде Воплощения и после преславного Воплощения, Бог Сам по себе, а не по благодати, для нас же [сделавшийся] и совершенным Человеком, Царь по существу Своему, не имеющий над Собой царя, для нас же и нашего спасения непорочно и пречисто Явившийся в образе раба». Исповедуя эту же истину, автор «Слова на Сретение Господа нашего и Спасителя», приписываемого святителю Кириллу Иерусалимскому, восклицает: «*Вся земля да поклонится* (Пс. 65: 4), всякий язык да поет, да славит, да прославляет Бога, Младенца сорокадневного и Предвечного, Младенца малого и *Ветхого днями* (ср. Дан. 7: 9), Младенца, сосущего молоко и *Сотворившего века* (ср. Евр. 1: 2). Вижу Младенца и узнаю в Нем Бога – Младенца, молоком питаемого и мир Питающего. Младенца, плачущего и Дарующего миру жизнь и радость, Младенца, пеленами повиваемого и Разрешающего меня от уз греха. Младенца, Который Один и Тот же – и на земле в объятиях Матери по плоти истинно и совершенно, и на Небесах в недрах Отчих истинно и совершенно. Вижу Младенца, идущего из Вифлеема в Иерусалим и не отлучившегося от Горного Иерусалима. Вижу Младенца, по Закону Приносящего жертву во храме на земле и в то же время Принимающего благочестивые жертвы от всех на Небесах... Сей есть *Бог богов* (ср. Пс. 49: 1 по LXX²), Бог от Бога познаваемый.

Сей есть *Источник жизни* (ср. Пс. 35: 10), из Источника жизни Отчей происходящий. Сей есть *Река Божия* (ср. Пс. 45: 5; 64: 10), истекающая из бездны Божества, но не отделяющаяся. Сей есть Сокровище Отческой благодати и неисчерпаемого блаженства. Сей есть *Вода Жизни* (ср. Ин. 4: 10), дарующая жизнь миру... Сей есть *Бог Слово* (Ин. 1: 1), приведший все единым словом из небытия в бытие».

В таком особенно ясно зримом как раз сегодня, в день Сретения, уничижении Сына Божия, ставшего ради нашего спасения бессильным Младенцем и возлежащего на Материнских руках, людскому роду открываются величайшие сила и слава Божественной Любви – и Отчей, и Сыновней. Эта любовь Творца к Своему творению – человеку – не останавливается ни перед чем: ни перед добровольным Самоумалением Бога Слова в Его Воплощении, ни перед ужасом невыносимых Крестных Страданий, ни даже перед лицом Смерти по плоти Сына Божия. Поэтому автор «Слова о Симеоне и Анне», приписываемого священномученику Мефодию, обращаясь к Богу Отцу от лица старца Симеона, произносит: «Я познал силу любви Божией, ибо для меня Бог... сделался Человеком. Я познал неизреченное величие Твоего о нас попечения, ибо Ты послал Собственного Сына Своего нам на помощь... И через Владыку и Создателя Ты благоволил восставить нас в нетление; и через Изгнавшего из сладостного рая даровал нам возвращение в рай; и через Имеющего *власть... прощать грехи* (Мк. 2: 10) Ты *истребил рукописание на нас* (ср. Кол. 2: 14); и через Восседающего вместе с Тобой на Престоле и Неотлучного от Твоего Божественного естества Ты даровал нам примирение с Тобой и дерзновенный доступ к Тебе...»

² То есть по Септуагинте, осуществленному в III веке до Рождества Христова в Александрии переводу Ветхого Завета с еврейского на греческий язык так называемых «Семидесяти толковников». Именно этим библейским текстом пользовались греческие святые отцы, его они цитировали в своих творениях и проповедях. Текст Септуагинты по своему содержанию заметно отличается от привычного нам библейского синодального перевода XIX столетия, который был сделан не с греческого, а с еврейского – так называемого масоретского – библейского текста. По этой причине ряд ветхозаветных текстов, цитируемых греческими святыми отцами в их проповедях на Сретение Господне, приводится в этой книге не по синодальному переводу, а по Септуагинте.

Итак, Бог не просто с нами, не только посреди нас; Он – еще и Один из нас, как воспринявший нашу людскую природу – человеческие тело, душу и дух – в Воплощении и посредством этого соединившийся со всем людским родом. И вот теперь, в день Сретения, Он открывает нам Себя именно таким: истинным Богом и истинным Человеком, подобным нам во всем, кроме греха. Он – Царь и Раб. Он – Вечный и Младенствующий. Он – Всемогущий и Бессильный. Он – Слово и Бессловесный. Он – Пища Бессмертия и Питающийся от груди Матери. Он – Утешение и Плачущий. Он – Шествующий по вселенной Своим Промыслом и Лежащий на руках Марии, как не способный ходить. Он – Вездесущий и Обвитый тесными пеленами. Он – Вечное Начало жизни и только что Начавший жить. Автор «Слова на Сретение Господа», приписываемого святителю Кириллу Иерусалимскому, говоря от лица старца Симеона, учит: «Сей есть Тот, Который нерукотворенными руками составил из персти и образовал человека (ср. Быт. 2: 7). Сей есть Тот, Который создал нас *по образу Божию* (Быт. 1: 27), ныне же Сам соделался Человеком по образу нашему, и есть Человек, но вместе и Бог: есть Человек, совершенно такой же по внешности, как и я, со всеми моими свойствами, дабы, очистив, спасти меня; есть и Бог совершенный по сокровенному существу, имеющий сущность совершенного Отца. Будучи образом Бога [Отца], Он ныне принял мой образ раба, не умалив достоинства Божества, но освятив смешение моего естества: Один и Тот же по всему и на Небе и на земле познаваемый; на Небе Рожденный безвременно, на земле же – бессеменно, на Небе Творец, как Бог, на земле же – Творение, как Человек».

При этом бессилие Новорожденного Богомладенца ничуть не умаляет меры Его Божественной славы, Его Творческого всесия, Его Господней промыслительной заботы о мироздании. Поэтому тот же автор приписываемого святителю Кириллу «Слова», обращая от лица старца Симеона к находившимся в день Сретения в Иерусалимском храме иудеям, провозглашает: «Видьте и веруйте, иудеи! Сего Отрока песнословят ангелы, Ему поклоняются архангелы, перед Ним трепещут власти, Его славят силы, Ему служат херувимы, о Нем богословствуют серафимы, Ему работает солнце, Ему служит луна, Его слушают стихии, Ему повинуются источники. При виде Сего Отрока врата ада сокрушились, врата небесные отверзлись, и ад, узрев Его, вострепетал (ср. Иов. 38: 17). Сей Отрок истребил смерть, посрамил дьявола, разрушил клятву, прекратил печаль, стер [главу] змия (ср. Быт. 3: 15), *разрушил преграду* (ср. Еф. 2: 14), раздрал враждебное *рукописание* грехов (ср. Кол. 2: 14), поправил грех, разрушил заблуждение, восставил тварь. Сей Отрок спас Адама, воздвиг Еву, призвал народы, просветил мир».

В том же «Слове на Сретение Господа», приписываемом святителю Кириллу, оказалась отражена и еще одна – важная, но непростая для понимания – богословская тема, связанная с православным догматическим учением о Боговоплощении и о Домостроительстве нашего спасения Господом Иисусом Христом. На ней следует кратко остановиться. Эта богословская проблема связана с неожиданным и парадоксальным вопросом об образе принесения Сыном Божиим Голгофской Искупительной Жертвы. Некоторые древние святые отцы дерзали задаться вопросами: понятно, что Искупительную Жертву за мир приносит Сын Божий, Господь Иисус Христос, но вот Кому Он ее приносит? и что Господь приносит в этой Жертве? Мы можем кратко ответить: Голгофская Жертва приносится Христом Богу Отцу. Этот ответ будет верным, но недостаточным, неполным. Святые отцы, исходя из особенностей православного богословского учения о Пресвятой Троице, решаются рассуждать о большем. Мы знаем: Бог есть Троица, в Которой Три Лица – Отец, Сын и Святой Дух. Так Кто же из Них принимает Крестную Жертву Христову? Наверное, Бог Отец? Можем ли мы сказать, что Голгофская Жертва приносится Сыном Божиим именно Своему Отцу? Да, конечно же, Ему. Но не только Ему Одному. Ведь в Пресвятой Троице все происходит нераздельно и неразрывно: настолько обще, что Божественные действия и Божественную волю Бога Отца невозможно и недопустимо противопоставить или же отделить от Божественных действий и воли Двух Других Лиц – Сына

и Духа. Более того: в Пресвятой Троице вообще нет никаких самостоятельных, обособленных и личностных Божественных действий (энергий) или же волений (волеизъявлений), которые бы принадлежали только одному Отцу, или лишь Сыну, или же исключительно Святому Духу. Напротив, все Божественные действия и воления в Троице (говоря нашим обыденным языком – поступки, мысли и желания Отца, Сына и Святого Духа) общи для Всех Трех Лиц. У Отца, Сына и Святого Духа все Их Божественные энергии и Их единая Божественная воля равно принадлежат Всем Трем Божественным Лицам. Поэтому Бог Отец никогда и ничего не совершает без Сына и Святого Духа; равно как и Сын – по Своей Божественной природе – ничего не делает без Отца и Духа; и Дух Святой также ничего не осуществляет без Отца и Сына. Именно поэтому, рассуждая о Жертве Христовой и о том, Кому она приносится Господом Иисусом, святые отцы подчеркивают: если Бог Отец принимает Христову Жертву по Божественной любви к человеческому роду, то это, конечно же, подразумевает и означает, что эту Жертву вместе с Отцом также принимают и Два Других Божественных Лица – Бог Сын и Святой Дух. Мы видим удивительный догматический парадокс: Сын Божий приносит за нас на Кресте Свою Искупительную Жертву Богу, совершая ее по Своей человеческой природе, как истинный и совершенный Человек; но в то же время Он и Сам принимает эту Жертву на Небесах – в неразрывном общетроичном единстве с Отцом и Духом, – причем принимает ее по Своей природе Божественной, как истинный и совершенный Бог. В этом смысле Голгофская Жертва Христа приносится Господом на Кресте Всей Пресвятой Троице, то есть – о чудо! – также и Ему Самому: однако Он приносит ее по Своему человечеству, как Человек, принимает же ее по Своему Божеству, как Бог. Он – и Приносящий Голгофскую Жертву, и Само Приношение (ибо Крестный Дар Бога Слова – Его Собственное человеческое естество), и Принимающий Жертву – в общетроичном единстве с Отцом и Духом. Вот это-то православное догматическое учение о парадоксальном образе принесения Христом Крестной Голгофской Жертвы как раз и излагается – очень возвышенно и поэтично – в приписываемом святителю Кириллу Иерусалимскому «Слове на Сретение Господа»: «Вот – Один и Тот же и в объятиях старца по Домостроительству, и на Престолах херувимских по Божеству (ср. Пс. 79: 2). Один и Тот же и Приносимый и Очищаемый, и Освящающий и Очищающий все. Один и Тот же и Дар и Храм, и Первосвященник и Алтарь, и Искупитель и Искупление, и Приносящий и Приносимый за мир, и Древо Жизни и Древо Познания, и Агнец и Огонь, и Всесожжение (см. Быт. 22: 6) и Меч Духовный (ср. Еф. 6: 17), и Пастырь и Овца, и Жрец и Жертва, и Приносимый и Принимающий Жертву...»

Еще одна важная вероучительная тема, которую затрагивают в проповедях на Сретение древние церковные писатели, – вопрос о том, зачем вообще был принесен тогда в Иерусалимский храм Младенец Христос. В Евангелии говорится, что Он был принесен сюда Иосифом и Марией, *чтобы оказаться представленным пред Господа*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.